

ВОПРОС О ПАТРИАРШЕМ СИНОДЕ В «МЕЖСИНОДСКИЙ» ПЕРИОД 1925–1927 гг.¹

СВЯЩ. АЛЕКСАНДР МАЗЫРИН

В статье исследуются попытки учреждения Временного Патриаршего Синода в Русской Православной Церкви в период с весны 1925 г. по весну 1927 г. Показывается, какие цели в этом деле преследовала власть, и какие методы она использовала. Рассматриваются позиции иерархов, вовлеченных в обсуждение вопроса о Синоде. Выявляется их стремление отстаивать интересы Церкви в условиях гонений и, в то же время, готовность искать формы допустимого компромисса с атеистической властью.

Неотъемлемой частью системы высшего церковного управления, выстроенной Собором 1917–1918 гг., должен был стать Священный Синод. В период управления Русской Православной Церкви Святейшим Патриархом Тихоном он (Синод) существовал, хотя, по реалиям времени, и не в тех формах, которые были определены Собором. После кончины Патриарха в апреле 1925 г. Патриарший Синод прекратил свои функции, и до мая 1927 г., когда Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским) был учрежден новый Временный Патриарший Священный Синод, коллегиального органа высшего управления в Православной Российской Церкви (патриаршей) не было. Однако в этот, условно говоря, «межсинодский» период был предпринят целый ряд попыток возродить этот коллегиальный орган, причем не всегда по инициативе Церкви. Рассмотрению этих попыток и посвящается предлагаемое исследование. Начать его, однако, представляется целесообразным с краткого обзора положения Синода и его эволюции еще при Патриархе Тихоне².

Согласно соборному определению от 7 декабря 1917 г., «Священный Синод состоит из Председателя-Патриарха и двенадцати членов: Киевского митрополита как постоянного члена Синода, шести иерархов, избираемых Поместным Всероссийским Собором на три года, и пяти иерархов, вызываемых по очереди

¹ Исследование проведено в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.». Государственный контракт № 02.740.11.0577.

² Подробнее о состоянии дел Священного Синода во время патриаршества Святейшего Тихона см.: Сафонов Д. В. Единоначалие и коллегиальность в истории высшего церковного управления Русской Церкви, от свт. Тихона, Патриарха Всероссийского, до Патриарха Московского и всея Руси Алексия I. Ч. 1 : Годы 1917–1925 // Богословский вестник. Сергиев Посад, 2009. № 8–9. С. 275–355.

на один год»³. В декабре 1917 г. были проведены и выборы членов Синода и их заместителей⁴. Однако уже к февралю 1918 г., когда новообразованный Синод приступил к работе⁵, этот орган понес первые потери: в Киеве большевиками был убит его постоянный член старейший иерарх Православной Российской Церкви митрополит Владимир (Богоявленский). Из-за начавшейся Гражданской войны и репрессий к началу 1919 г. число наличных членов Синода сократилось примерно вдвое⁶, а после ее окончания из шести избранных Собором постоянных членов Синода четверо оказались в эмиграции. Не спасал ситуацию и вызов архиереев из епархий. К февралю 1921 г. в Синоде из тринадцати членов осталось трое, в число которых входил и Председатель-Патриарх, не имевший тогда из-за домашнего ареста возможности принимать участие в синодальных заседаниях⁷. С 1 июня 1921 г. прежний состав Синода по инициативе митрополита Сергия (Страгородского) утратил свои полномочия. Был определен новый состав в количестве пяти человек по избранию Патриарха. Патриархом были избраны те же лица, которые уже состояли членами Синода. Однако формально, да и фактически, это был уже не тот Синод, который получил свое бытие в 1917 г. от Поместного Собора. Причем реально ситуация после реформирования Синода улучшилась не сильно: к сентябрю 1921 г. в его заседаниях, не считая Патриарха, стали принимать участие три иерарха⁸ (среди них — вызванный от группы центральных епархий епископ Тверской Серафим (Александров), ставший не позднее марта 1922 г. секретным осведомителем ГПУ⁹). В последующие месяцы персональный состав Синода несколько раз претерпевал изменения (в ос-

³ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 1–4. М., 1994. (Репр. воспр. изд. : М., 1918.) Вып. 1. С. 7.

⁴ Членами Священного Синода были избраны митрополиты Арсений (Стадницкий), Антоний (Храповицкий), Сергий (Страгородский), Платон (Рождественский), архиепископы Анастасий (Грибановский) и Евлогий (Георгиевский), заместителями — митрополит Вениамин (Казанский), архиепископы Димитрий (Абашидзе), Константин (Бульчев), Кирилл (Смирнов), епископы Никандр (Феноменов) и Андроник (Никольский) (см. : Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. В 11 т. М., 1996. Т. 5. С. 354–355).

⁵ См. : Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 6. С. 246.

⁶ См. : *Кашеваров А. Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М., 2005. С. 251.

⁷ См. : Письмо Патриарха Тихона архиепископу Серафиму (Лукьянову) Финляндскому и Выборгскому (5.2.1921) // Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991) : Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью : В 2 кн. / Сост. Г. Штриккер. Кн. 1. М., 1995. С. 141.

⁸ См. : Письмо Н. В. Нумерова митрополиту Антонию (Храповицкому) от 1(14) сентября 1921 года // История иерархии Русской Православной Церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. (с приложениями) / Сост. М. Е. Губонин, П. Н. Грюнберг и др. М., 2006. С. 871. В действительности, адресатом письма Нумерова был архиепископ Евлогий (Георгиевский) (см. : *Косик О. В.* Списки архиереев Русской Православной Церкви в 1920–1930-е гг. // XVIII Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ : В 2 т. М., 2008. Т. 1. С. 238).

⁹ См. : Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг. : В 2 кн. / Подгот. изд. Н. Н. Покровского и С. Г. Петрова. Новосибирск; М., 1998. Кн. 2. С. 56–58.

новном из-за принудительного удаления властью из Москвы одних его членов и возвращения других), но численно по-прежнему не превышал трех–четырёх человек. 5 мая 1922 г. состоялось последнее перед арестом Патриарха заседание Синода (по требованию власти было принято постановление об упразднении Зарубежного ВЦУ¹⁰). В тот же день Патриарху было объявлено о незаконности организации, называемой «Православной иерархией»¹¹, после чего более чем на год Патриарший Синод прекратил свою деятельность. Высшая церковная власть при содействии ГПУ была захвачена раскольниками обновленцами.

Летом 1923 г. после освобождения Патриарха Тихона из заключения был возобновлен (не позднее 11 августа¹²) и Патриарший Синод. Тогда же было реорганизовано и обновленческое управление, получившее наименование «Священный Синод Православной Российской Церкви». Из старых членов, бывших в Патриаршем Синоде до ареста Святейшего Тихона, в его составе остался только ставший архиепископом Серафим (Александров), получивший в народе за свою плохо скрываемую связь с ОГПУ нелестное прозвище «Лубянский»¹³. Помимо него, синодальные постановления подписывали архиепископы Тихон (Оболенский) и Иларион (Троицкий), а после ареста последнего в ноябре 1923 г. — архиепископ Петр (Полянский). 22 марта 1924 г. три члена Синода — архиепископы Серафим, Тихон и Петр — были отмечены возведением в митрополицию достоинство¹⁴. Эпизодически к их подписям под синодальными постановлениями добавлялись имена некоторых других архиереев (например, архиепископа Иосифа (Петровых)¹⁵), но надолго они в Синоде не задерживались.

В отличие от обновленческого «Священного Синода», Патриарший Синод не был легализован властью, что делало его весьма уязвимым. Патриарх Тихон ставил вопрос о легализации своего управления, но власть выдвигала свои условия. 26 февраля 1924 г. Антиралигиозная комиссия (АРК) при ЦК РКП(б) постановила: «Организацию Синода Тихону разрешить при условии, если он введет в Синод ряд лиц, хорошо ведомых ОГПУ»¹⁶. От этого условия существования Патриаршего Синода власть не отступала и в дальнейшем. Патриарх понимал, что без определенных уступок власти ему не обойтись. Он терпел в своем окру-

¹⁰ См. : Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 193–194.

¹¹ «Вы знаете, — заявил Патриарху Тихону председатель Московского Ревтрибунала М. Бек, — о том, что церкви переданы в распоряжение групп верующих и никаких объединяющих организаций, в том числе и Иерархии, как юридического лица, декрет не предусматривает? <...> Значит, здесь вы тоже сознательно не хотели подчиниться» (Следственное дело Патриарха Тихона : Сб. док. по материалам ЦА ФСБ РФ. М., 2000. С. 150).

¹² См. : Сафонов Д. В. Единоначалие и коллегиальность... С. 307.

¹³ См. : Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия : Жизнеописания и материалы к ним : В 7 кн. Тверь, 2006. Кн. 2. С. 489.

¹⁴ См. : РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 268. Л. 34.

¹⁵ См. : Указы Священного Синода при Святейшем Патриархе Всероссийском // Церковные ведомости, издаваемые при архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей. 1924. № 3–4. С. 1.

¹⁶ Цит. по : Нежный А. И. Комиссар дьявола. М., 1993. С. 92.

жении Серафима (Александрова) и не обделял его иерархическими наградами, хотя, очевидно, и догадывался о его связи с ОГПУ. Чтобы обеспечить высшему церковному управлению возможность нормальной работы, Патриарх соглашался иметь дело и с более одиозными фигурами, чем митрополит Серафим. В апреле—мае 1924 г., как известно, Святейшим Тихоном была предпринята попытка воссоздания полного присутствия Священного Синода с включением в его состав наиболее авторитетных иерархов (таких как, например, митрополит Кирилл (Смирнов)) и Высшего Церковного Совета (ВЦС). Власть выражала готовность допустить это при условии включения в состав ВЦС представителей так называемой «Живой Церкви» во главе с «протопресвитером» Владимиром Красницким. Через последнего Патриархом в НКВД было направлено заявление об организации Патриаршего ВЦУ (Синода и ВЦС). Красницкий сопроводил это заявление рапортом в ОГПУ следующего содержания: «Считаю долгом заявить, что политического доверия заслуживает, до известной степени, только второй орган — Высший Церковный Совет, первый же — Священный Синод — по составу своему такового доверия заслуживать не может, как состоящий наполовину из лиц — находящихся под судом и под стражей»¹⁷. В ответ на патриаршее ходатайство и с учетом «разъяснительного» рапорта Центральное административное управление НКВД 10 июня 1924 г. выдало Красницкому справку о временной регистрации ВЦС без Синода¹⁸. На такую «легализацию», делавшую, по сути дела, Патриарха марионеткой в руках ОГПУ, Святейший Тихон идти не пожелал и вскоре всякие переговоры с Красницким прекратил. Восстановить более-менее полноценный Синод Патриарху не удалось.

В последний раз с ходатайством о регистрации Священного Синода из семи членов (включая Патриарха-Председателя) Святейший Тихон обратился в СНК СССР 28 февраля 1925 г. Помимо самого Патриарха, митрополитов Тихона (Оболенского), Серафима (Александрова) и Петра (Полянского), в Синод должны были войти митрополит Сергей (Страгородский) и епископы Прокопий (Титов) и Сергей (Зверев)¹⁹. Е. А. Тучков, начальник 6-го («церковного») отделения Секретного отдела ОГПУ, требовал в ответ от Патриарха подписать просоветское послание («Декларацию») с программой мер борьбы с «церковной контрреволюцией» внутри страны и за рубежом. Против деятельности Синода, намеченной в этом послании, Тучков не возражал²⁰. Однако Патриарх подписывать послание не стал (что, впрочем, не помешало власти опубликовать его после кончины Святейшего под названием «Предсмертное завещание Патриарха Тихона») ²¹. Соответственно и Синод регистрации не получил. К моменту кончины святителя Тихона 7 апреля 1925 г. никакого имеющего самостоятельное значение Синода в Патриаршей Церкви не было. «Знаменательно, — писал в 1931 г. митрополит Сергей (Страгородский), — что ко дню смерти Патриарха из всего столъ

¹⁷ Следственное дело Патриарха Тихона. С. 739.

¹⁸ См. : Там же. С. 741.

¹⁹ См. : Там же. С. 396–397.

²⁰ См. : Там же. С. 398–399.

²¹ См. : Сафонов Д. В. К вопросу о подлинности «Завещательного послания» св. Патриарха Тихона // Богословский вестник. 2004. № 4. С. 265–311.

широко на Соборе задуманного аппарата остался один Патриарх»²². Во всяком случае, никому в тот момент не пришло в голову решать вопрос о Местоблюстителе так, как это было предусмотрено соборным определением от 10 августа 1918 г.: избирать его «в соединенном присутствии <...> Священного Синода и Высшего Церковного Совета тайным голосованием <...> из среды присутствующих членов Священного Синода»²³. Высшего Церковного Совета к 1925 г. уже несколько лет как вообще не было, а «существовавший при Патриархе Синод из трех архиепископов, а потом — митрополитов, — резонно замечал митрополит Сергей, — полномочий от Собора не имел, был собран по личному приглашению Почившего и с его смертью терял полномочия»²⁴. Местоблюститель, как известно, был определен на основании завещательного распоряжения Патриарха Тихона от 7 января 1925 г., в котором были указаны три кандидата на временное исполнение патриарших обязанностей: митрополиты Кирилл (Смирнов), Агафангел (Преображенский) и Петр (Полянский). Ввиду отсутствия первых двух, в должности Патриаршего Местоблюстителя епископами, собравшимися на погребение почившего Патриарха, был утвержден митрополит Петр. О Синоде при этом никто не вспомнил.

Впоследствии по этому поводу весьма сокрушался епископ Борис (Рукин), писавший в 1927 г.: «Избравши Местоблюстителя, епископы совершенно выпустили из виду, что, согласно определениям Собора 1917 г., во главе управления должен был стоять Синод и Высший Церковный Совет, и нужно было избрать, по крайней мере, хотя бы одно из этих учреждений временного характера — Синод, т. к. здесь были одни епископы». В действительности, так просто избрать Синод епископы в тот момент не могли, даже если бы хотели, поскольку официального характера их собрание не имело. Епископ Борис явно лукавил, когда писал дальше: «Само собою разумеется, что Высший орган Управления сейчас же должен был поднять вопрос о своей легализации, в чем Гражданская Власть не отказывала»²⁵. Власть не отказывала в легализации только тех церковных управлений, персональный состав которых был заранее согласован с ОГПУ. Условие, сформулированное АРК в 1924 г. («...если он введет в Синод ряд лиц, хорошо ведомых ГПУ»), оставалось в силе и все последующие годы, менялся только «он», то есть возглавляющий Патриаршую Церковь иерарх. О чем епископ Борис не писал в своей брошюре, так это о том, что он сам готов был «поработать» над согласованием с властью условий легализации высшего церковного управления, для чего он уже в мае 1925 г. вошел в тесный контакт с 6-м отделением СО ОГПУ и по его поручению начал формировать инициативную группу «Защита Православия от политиканства»²⁶.

²² Сергей (Страгородский), митр. О полномочиях Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя // Журнал Московской Патриархии. 1931. № 1. С. 3.

²³ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 4. С. 7.

²⁴ Сергей (Страгородский), митр. О полномочиях Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя // Журнал Московской Патриархии. 1931. № 1. С. 3.

²⁵ Борис (Рукин), еп. О современном положении Русской Православной Патриаршей Церкви. М., 1927. С. 2.

²⁶ См. : Мазырин А., свящ. Вопрос о легализации Церкви при Патриаршем Местоблюст-

«Уже через месяц (после кончины Патриарха. — *святц. А. М.*), — сообщал о своих усилиях широкой публике епископ Борис, — епископы же подняли вопрос о необходимости образования какого-либо органа управления, так как единоличное управление, во-первых, абсолютно неканонично, идет вразрез с самой сущностью христианства и успело внести целую смуту в жизнь Церкви, а главное, ничем не вызывалось, т. к. препятствий со стороны Гражданской Власти к легализации Синода или Совета не было. Митрополит Петр, тем не менее, решительно отказывался принять меры к организации временного Церковного Высшего органа, заявив, что он будет управлять единолично, и не поднимал вопроса о созыве Поместного Собора»²⁷. В действительности, митрополит Петр отказывался не от Синода вообще, а от посредничества в его организации со стороны епископа Бориса и каких-то еще анонимных епископов. Конечно, Патриарший Местоблюститель понимал, что решать вопрос об устройстве высшего церковного управления необходимо. Задача была в том, чтобы решить его не в ущерб Церкви.

Положение митрополита Петра во всех отношениях было крайне сложным. Он не имел тогда еще в Церкви такого авторитета, который был у Патриарха Тихона. Патриарх мог самостоятельно (насколько это допускала власть) формировать при себе Синод, и практически никто в Церкви не высказывал по этому поводу своего несогласия. Показательно суждение на этот счет трех не названных ссыльных архиереев, выраженное в записке, составленной в начале осени 1927 г.: «Ввиду стесненных обстоятельств в Церкви <...> избранными (в Синод — *святц. А. М.*) могут быть признаны и назначенные Первоиерархом, если против такого назначения не будет возражений со стороны епископата. На такое назначение может решиться только иерарх, пользующийся всеобщим доверием. Так, бывший некоторое время при почившем Патриархе Синод из архиереев по назначению Святейшего мог считаться каноническим Синодом, так как русский епископат, доверяя своему Патриарху, не возражал против назначенных им в Синод архиереев, и так[им] образом назначение стало избранием»²⁸. Местоблюститель не мог своей властью собрать при себе Синод, да еще такой, который устроил бы ОГПУ: это вызвало бы возникновение сильной оппозиции ему со стороны церковных ревнителей (что, собственно, и произошло двумя годами позднее при его заместителе).

В то же время митрополит Петр испытывал сильнейшее давление со стороны власти, требовавшей от него проведения в жизнь подложного «Предсмертного завещания Патриарха Тихона» (суда над «заграничниками» и создания в Церкви своего рода «инквизиции» для выявления и осуждения противников советской власти внутри страны). Ситуация для Местоблюстителя усугублялась тем, что против него тогда велось следствие по делу о мифической «Шпионской организации церковников», о чем мало кто в то время в Церкви знал, но сам он,

тителе митрополите Петре и зарождение «григорианского» («борисовского») раскола // XIX Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ : В 2 т. М., 2009. Т. 1. С. 284.

²⁷ *Борис (Рукин), еп.* О современном положении Русской Православной Патриаршей Церкви. С. 2.

²⁸ ГА РФ. Ф. Р–5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 58.

несомненно, знал об этом. Предположительно, только летом 1925 г. это дело в отношении митрополита Петра закончилось: Местоблюститель был приговорен Особым Совещанием к трем годам высылки в Киркрай (так тогда назывался Казахстан) условно²⁹. Находясь под следствием, митрополит Петр едва ли мог ставить вопрос о легализации возглавляемого им церковного управления. В этом заключалась еще одна трудность для организации Синода в тот момент.

Согласно опубликованному в мае 1925 г. в «Известиях» интервью с митрополитом Петром, в ответ на вопрос: «Когда намерены вы осуществить чистку контрреволюционного состава духовенства и черносотенных приходов, а также созвать комиссию для суда над зарубежными архиереями?» — он сказал корреспонденту: «Сейчас я занят конструированием организации церковного управления, после чего немедленно будет приступлено к выполнению этих заданий»³⁰. Получался, таким образом, замкнутый круг: власть требовала для легализации церковного управления проведения «чистки контрреволюционного состава духовенства», а митрополит Петр указывал на то, что он сам без организованного церковного управления проводить эту «чистку» не правомочен. Разрывать этот круг Местоблюститель не спешил. В информационной сводке ОГПУ за июнь 1925 года, направляемой высшему партийно-советскому руководству, сообщалось: «Борьба вокруг поста местоблюстителя патриаршего престола с назначением Петра Полянского не окончена. Началась борьба за влияние на дела. Петр всячески оттягивает назначение членов Синода, группа епископов во главе с Борисом Можайским настаивает на скорейшем их назначении»³¹.

Причину, по которой митрополит Петр оттягивал назначение членов Синода, хорошо раскрыл священник Михаил Польский: «Частые аресты и долгое заключение архиереев не позволяли иметь правильный по закону состав Синода, а составлять его из лиц, случайно пребывающих на свободе, а то, — еще хуже — далеко не случайно, заставляло м[итрополита] Петра сознательно избегать созыва Синода. <...> Гарантировать себя от неожиданных выступлений первоиерарха, связать его волю, ограничить ее и, главное, направить ее по известному руслу ГПУ могло только через Синод, состав которого сама жизнь заставляла иметь только из лиц, угодных ГПУ»³².

Заинтересованность в организации высшего церковного управления проявлял и митрополит Серафим (Александров), который «далеко не случайно» был в последние годы жизни Патриарха членом Синода при нем. Митрополит Серафим сам вступил в переговоры с епископом Борисом. В январе 1926 г. на

²⁹ См. : Мазырин А., иер. Выбор мученического пути Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром (Полянским) в 1925 году и его экклесиологическое значение // Почитание новомучеников XX столетия и восстановление национального исторического самосознания : Материалы Пятой ежегодной Всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России». Москва—Саров—Дивеево. 20–22 июня 2008 года. Нижний Новгород, 2009. С. 242.

³⁰ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1925. 14 мая.

³¹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 3 : 1925 г. М., 2002. Ч. 2. С. 371.

³² [Польский] Михаил, свящ. Положение Церкви в советской России: Очерк бежавшего из России священника. Иерусалим, 1931. С. 25–26.

очной ставке «граждан Рукина Б. и Александрова С.» последний показал: «Епископ Борис был у меня на квартире в конце апреля или в начале мая 1925, причем приглашал я его для переговоров, как наладить законным порядком высшее церк[овное] управление»³³. «Речь шла только о том, как устроить церк[овные] дела, как и кто должен хлопотать пред Гражданской Властью о разрешении организовать Высшее ц[ерковное] управление», — дал в другой раз показания о том же разговоре митрополит Серафим³⁴. Видимо, к единству мнений в ходе этих переговоров два связанных с ОГПУ архиерея не пришли, вслед за чем Тверской митрополит и вовсе уехал из Москвы в свою епархию.

Усилия епископа Бориса организационно оформить оппозицию митрополиту Петру к лету 1925 г. очевидным образом потерпели провал. Церковь объединялась вокруг Патриаршего Местоблюстителя и без какого-либо Синода, что вынуждено было признать и ОГПУ. В лубянском «Обзоре политического состояния СССР» за июль 1925 г. было сказано: «В отчетный период все внимание тихоновцев было обращено на организационное оформление высшего органа управления. Борьба идет главным образом вокруг местоблюстителя патриаршего престола. Усиленную деятельность в этом направлении развивает епископ Борис Можайский, выставляющий требование немедленной организации Синода, задачей которого было бы смещение Петра Полянского. Кампания, поднятая против Петра, не встретила сочувствия у тихоновского актива, среди которого из-за боязни распада окрепло решение поддержать Петра»³⁵.

Осенью 1925 г. епископ Борис возобновил свои домогательства под видом борьбы за «соборность». Не без содействия, как можно догадаться, ОГПУ заодно с ним стал выступать вернувшийся из ссылки архиепископ Свердловский Григорий (Яцковский). Тем временем положение Местоблюстителя, от которого власть никак не могла добиться, чего хотела, стало особенно трудным. После прошедшего в октябре обновленческого «Собора», на котором были озвучены нелепые, но вполне пригодные для власти обвинения митрополита Петра в попытках руководства русскими зарубежными монархистами, стало ясно, что дело близится к аресту несговорчивого Местоблюстителя. В ноябре 1925 г. к митрополиту Петру явились архиепископ Григорий, епископ Борис и еще один и предложили ему «реабилитировать себя, ответить на эти (обновленческие. — *свящ. А. М.*) обвинения, собрать православных архиереев, находящихся в Москве, и обсудить положение церковных дел». Об обстоятельствах этого визита от лица архиепископа Григория было рассказано в «Известиях» уже после ареста Местоблюстителя. Сообщалось, что «митрополит Петр отклонил это предложение и сказал, что, в конце концов, сам отвечает за церковь, и что собрание архиереев не только не поможет делу, а даже повредит ему»³⁶.

В итоге, как известно, в ночь с 9 на 10 декабря 1925 г. Патриарший Местоблюститель был арестован. Синод при нем так и не был организован, хотя из протокола допроса митрополита Петра от 12 декабря (первого после ареста) сле-

³³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н—3677. Т. 5. Л. 204.

³⁴ Там же. Л. 203.

³⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 3. Ч. 2. С. 419.

³⁶ Среди церковников. У тихоновцев // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1926. 7 янв.

дует, что переговоры с Е. А. Тучковым об этом шли до последнего. На вопрос следователя: «А когда Синод будет?» — Местоблюститель ответил: «Да ведь обещал Евгений Александрович». В другом месте того же допроса митрополит Петр сказал, что «со дня на день ожидал Синода»³⁷. Понятно, однако, что Тучков мог «обещать» только такой Синод, состав которого отвечал бы, в первую очередь, интересам ОГПУ, а Местоблюститель всем своим поведением доказал, что руководствоваться этими интересами он не будет.

Митрополиту Сергию (Страгородскому), назначенному митрополитом Петром своим заместителем, первоначально было не до Синода, хотя он и был убежденным сторонником наличия коллегиального органа церковного управления при Первоиерархе. Прежде чем ставить вопрос об учреждении Синода, митрополиту Сергию необходимо было получить в Церкви признание собственных прав, притом что при содействии ОГПУ в Москве тогда возник альтернативный ему центр церковной власти в лице все тех же архиепископа Григория, епископа Бориса и ряда других присоединившихся к ним архиереев (в общей сложности — десяти). 22 декабря 1925 г. эта группа епископов учредила так называемый «Временный Высший Церковный Совет» (или «Высший Временный Церковный Совет», сокращенно ВВЦС; сами его приверженцы расшифровывали эту аббревиатуру и так, и так), который уже 2 января 1926 г. получил от НКВД справку о временной регистрации³⁸. В подготовленном ОГПУ «Обзоре политического состояния СССР» за декабрь 1925 г. об этих событиях было сказано так: «Оппозиционно настроенные епископы, воспользовавшись ослаблением сторонников Петра, создали инициативную группу, которая на своем совещании в Донском монастыре организовала Временный высший церковный совет, поставивший своей основной задачей добиться легализации верховного органа православной церкви. Синод (так! — *свящ. А. М.*) в своем обращении к правительству заявляет о своей политической лояльности и стремлении повести все духовенство и верующие массы по тому же пути»³⁹. Как видно, первоначально в ОГПУ считали, что новоявленный ВВЦС — это и есть Синод, учреждения которого епископ Борис добивался, да так и смог добиться от митрополита Петра.

По всей видимости, поначалу ОГПУ не исключало, что к этому «Синоду» присоединится и митрополит Сергей. До конца января 1926 г. этого не исключали и сами члены ВВЦС во главе с архиепископом Григорием, которые выражали свою готовность к компромиссу с Нижегородским митрополитом. Можно предположить, что в этом случае получилось бы так: Заместитель Местоблюстителя, возглавив ВВЦС, сообщил бы ему подобие каноничности, а тот, в свою очередь, ему — подобие легальности. Тогда бы «межсинодский» период закончился не в 1927 г., а в 1926-м. Но митрополит Сергей на компромисс с ВВЦС не пошел и повел с ним весьма жесткую и успешную борьбу, в ходе которой и получил признание в качестве временного главы Патриаршей Церкви со стороны православных епископов.

³⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 112, 111 об.

³⁸ См. : *Григорий (Яцковский), архиеп.* Документы, относящиеся к образованию Высшего Временного Церковного Совета в Москве. М., 1926. С. 9.

³⁹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т. 3. Ч. 2. С. 724.

Не находя достаточных оснований для ареста митрополита Сергия, ОГПУ, однако, как могло, пыталось поддержать ВВЦС в борьбе с ним путем вовлечения в интригу изолированного и лишённого правильной информации о происходящем в Церкви митрополита Петра. В итоге на свет появилась известная условная резолюция Местоблюстителя от 1 февраля 1926 г. об учреждении специальной Коллегии для управления Церковью из трех иерархов, последним из которых значился архиепископ Григорий (Яцковский)⁴⁰. Согласие включить его в состав проектируемой Коллегии, по всей видимости, было получено от митрополита Петра в обмен на обещание легализовать высшее церковное управление. «В то же время, — разъяснял в послании к Церкви Местоблюститель цель своей февральской резолюции спустя десять месяцев, — для совместных занятий в сей Коллегии я назначил еще насколько иерархов, известных своей твердостью и преданностью Церкви Божией, а немного позже пригласил сюда же Высокопреосвященнейшего Арсения, митрополита Новгородского, которому мною была послана телеграмма; телеграфом же я известил и митрополита Сергия. Таким образом, я имел в виду создать управление авторитетное, и правительство, как мне заявили, было согласно легализировать его»⁴¹.

Этой резолюцией, как могло казаться, и митрополит Сергей выводился из-под удара, поскольку ОГПУ пыталось принудить Местоблюстителя к более жестким действиям в отношении Заместителя, нежели просто отнятие у него церковной власти. В письме Е. А. Тучкову от 20 декабря 1932 г. митрополит Петр писал о событиях начала 1926-го: «Позволю себе напомнить, что главная причина моего расхождения с Вами заключалась в том, что я не мог выполнить предложенной комбинации относительно митрополита Сергия и архиепископа Григория. Первого вы имели намерение снять с заместительства и перевести в какую-либо Сибирскую епархию, — помнится, — называли Красноярскую». Митрополит Петр разъяснял Тучкову свои колебания в отношении состава несостоявшейся коллегии: «Так, обнаружилось, что архиепископ Николай Добронравов (указанный в резолюции от 1 февраля как первый член Коллегии. — *свящ. А. М.*), вопреки уверению, находился не на свободе, а под арестом, что архиепископ Димитрий Беликов (второй член проектируемой Коллегии. — *свящ. А. М.*), согласно словам т. Казанского (уполномоченного 6-го отделения СО ОГПУ. — *свящ. А. М.*) и показанной Вами телеграмме, должен был дня через 3–4 прибыть в Москву, но он совсем и не собирался выезжать из Томска, и что архиепископ Григорий, будучи запрещенным, не сдавал своей позиции, а даже наоборот, своевольно присвоил себе председательство, не имея на то никакого права. Не слышно было и о приезде в Москву митрополита Арсения Стадницкого, о вызове которого, по Вашему предложению, мною была подписана телеграмма. Когда, таким образом, стало ясно, что при учреждении Коллегии я находился, так сказать, впотьмах и что опыт этот мог вызвать не только удивление, но и повлечь к серьезным недо-

⁴⁰ См. : *Григорий (Яцковский), архиеп.* Документы, относящиеся к образованию Высшего Временного Церковного Совета в Москве. С. 12–13; Акты... С. 436–437.

⁴¹ Церковные ведомости. 1927. № 5–6. С. 1.

разумениям, то ничего не оставалось, как только поправить ошибку, т. е. упразднить Коллегию»⁴².

Разобраться в ситуации тогда митрополиту Петру помог митрополит Сергей (ОГПУ, что было его явной ошибкой, позволило Заместителю изложить свою позицию в письме Местоблюстителю.) Митрополит Сергей в своем письме от 18 марта 1926 г. убедительно показал невозможность признания проектируемой Коллегии. «Прежде всего, — объяснял он митрополиту Петру свой отказ сложить с себя полномочия Заместителя Местоблюстителя, — меня удерживает расхождение Ваших резолюций с тем, что фактически происходит. Вы определенно говорите о “Коллегии, Вами намеченной”, т. е. состоящей из трех архипастырей с приглашением Вами указанных четырех. Фактически же продолжает претендовать на власть ВЦС под председательством архиепископа Григория, справедливо уже осужденный и отвергнутый церковным сознанием, как учреждение самочинное и угрожающее Церкви анархией. <...> Подобно ВЦУ, они объявили церковную власть брошенной на произвол судьбы и решили ее захватить. Но тогда и всякий может последовать их примеру и Церковь предоставлена будет анархии. Никакие имена, как бы ни были они авторитетны, не могут предотвратить такого вывода и не заставят церковное сознание примириться с самочинным ВЦС». Уподобление ВВЦС обновленческому ВЦУ было весьма красноречивым и не могло не произвести впечатления на митрополита Петра.

Сильным был и второй аргумент Заместителя против Коллегии: «...ею колеблется и самое основание церковного строя, восстановленного Собором 1917–18 гг. <...> “Коллегия” — символ отказа Церкви от своей свободы и всего менее приемлема теперь, при отделении Церкви от государства». При этом митрополит Сергей, что было для него естественно, вовсе не отвергал необходимости учреждения коллегиального органа высшего церковного управления, действующего при Местоблюстителе, а именно Патриаршего Синода. В своем письме митрополиту Петру от 18 марта Заместитель писал: «Единственно канонически правильным и в то же время обеспечивающим нашей Церкви возможность легального существования выходом является просто не назначать Вам заместителя ни единоличного, ни коллективного, а оставить полномочия Местоблюстителя, впредь до избрания нового Местоблюстителя (в случае Вашей кончины, отказа и под.) за Вами и образовать при Вас постоянно действующее собрание архиереев, которому присвоить по праву принадлежащее и более церковное название: “Патриарший (в отличие от обновленческого) Священный Синод”. В состав его пусть войдут намеченные Вами и, следовательно, одобренные и гражданской властью архипастыри, а также приглашенные Вами после резолюции 1-го февраля митрополит Арсений и митрополит Агафангел. Председателем Синода остались бы Вы, а в Ваше отсутствие — заместитель председателя, по Вашему назначению или по избранию Синода»⁴³. В то же время митрополит Сергей настаивал на том, что деятели ВВЦС (в первую очередь речь шла про протежируемого властью архиепископа Григория) не могут входить в Патриарший Синод,

⁴² Акты... С. 884.

⁴³ К положению Православной Церкви в советской России // Церковные ведомости. 1926. № 11–12. С. 4.

по крайней мере, поначалу. «Я, — писал митрополит Сергей, — ничего не имею против того, чтобы впоследствии Св[ященный] Синод принял в свой состав и кого-либо из бывших участников ВЦС (разумеется — после их покаяния). Но совершенно необходимо, чтобы первый состав Синода был новый, без участия членов ВЦС, чтобы тем явно подчеркнуть полную независимость Синода от ВЦС, отсутствие всякой между ними преемственности, чтобы отнять всякий повод говорить, будто, подобно обновленческому, Св[ященный] Синод лишь переменял вывеску, оставшись прежним ВЦС»⁴⁴. (В другом варианте этого же письма: «...будто, подобно обновленческому “Св[ященному] Синоду”, мы только переменяли вывеску, оставшись прежним ВЦУ»⁴⁵.)

Поскольку письмо Заместителя шло к Местоблюстителю при посредничестве ОГПУ (оно и написано было на Лубянке, куда митрополит Сергей был вызван из Нижнего Новгорода), сразу же встал вопрос о практической реализации выдвинутого в нем предложения. По всей видимости, Тучков не имел ничего против появления Синода вместо Коллегии, но именно с таким расчетом, чтобы это действительно была лишь «перемена вывески». Обязательным условием легализации новоучреждаемого Патриаршего Синода было включение в него архиепископа Григория (вероятно, были и другие навязываемые ОГПУ кандидаты). Однако аргументы митрополита Сергея твердо убедили митрополита Петра этого не делать, да и сам он уже мог составить вполне определенное мнение о свердловском архиерее. Его категорическое «нет» в этом вопросе стало одной из причин его последующего осуждения и многолетних мучений, при этом саму идею организации Патриаршего Синода Местоблюститель не отвергал. «Мне было неприятно, — писал Тучкову в 1932 г. митрополит Петр из свердловской тюрьмы, — что пришлось разойтись и в вопросе о включении архиепископа Григория в проектируемый Патриарший Синод, о чем речь возбуждалась много раз. Все дело в том, что он состоял под запрещением в священнослужении и уже никак не мог претендовать на место в Синоде, само собой разумеется, что он не попал бы и в состав Коллегии, если бы в то время я был осведомлен о его запрещении. Нет сомнения, что в решении моей участи вопрос об архиепископе Григории являлся самым существенным моментом. Вот собственно и есть то, с чего началась моя сложная и большая трагедия, которая 8-й год раздирает меня, не давая знать в жизни покоя»⁴⁶.

К середине апреля 1926 г. не менее сорока православных архиереев письменно заявили о своей солидарности с Заместителем в его борьбе с ВВЦС⁴⁷. Успехи григориан, за исключением ряда периферийных епархий, оказались минимальными. В Москве епископу Борису с огромным трудом удалось утвердиться лишь в пяти храмах (и то — не за один год)⁴⁸. В целом григорьевско-борисовская

⁴⁴ К положению Православной Церкви в советской России // Церковные ведомости. 1926. № 11–12. С. 5.

⁴⁵ Документы Патриаршей канцелярии 1925–1926 годов // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 68.

⁴⁶ Акты... С. 884.

⁴⁷ Их отзывы см. : Акты... С. 436, 443–451.

⁴⁸ См. : Мазырин А., иер., Хелемендик М. «Борисовщина» — григорианский раскол в Москве // Кадашевские чтения : Сб. докладов конференции. Вып. 3. М., 2008. С. 58–73.

группа возлагавшихся на нее ОГПУ надежд не оправдала. Однако григорианской интригой арсенал антицерковных провокаций 6-го отделения не исчерпывался, и до окончания споров о преемстве высшей церковной власти было еще далеко. Наступал черед следующей коллизии, главным действующим лицом которой, по замыслу Тучкова, должен был стать митрополит Агафангел Ярославский — второй кандидат в Патриаршие Местоблюстители, согласно завещательному распоряжению Патриарха Тихона от 7 января 1925 г.

Прежде всего, еще до возвращения митрополита Агафангела стали разрабатываться проекты его включения в состав Коллегии, в которую должен был трансформироваться ВВЦС. Митрополит Петр против его вхождения в новый коллегиальный орган ничего не имел. Митрополит Сергей, как видно из его письма от 18 марта 1926 г., также не возражал против участия Ярославского митрополита в высшем церковном управлении, легальном, но не имеющем никакой связи с ВВЦС. При этом, как следует из того же письма, митрополит Сергей в тот момент не претендовал на непереносимое самоличное возглавление Синода. Теоретически его мог бы возглавить и митрополит Агафангел. Однако мирное сотрудничество митрополитов Сергея и Агафангела в одном Синоде, санкционированное и митрополитом Петром, в планы Тучкова совсем не входило. Ставка делалась на дальнейший «раскол в тихоновщине», для достижения этой цели начальник 6-го отделения не жалел сил и проявлял завидную изобретательность.

В апреле 1926 г. митрополит Агафангел с опозданием на полгода был возвращен из сибирской ссылки, но по пути был задержан в пермской тюрьме, куда к нему для переговоров приехал сам Тучков. О том, как происходили эти переговоры, повествуется в так называемом «Интервью с митрополитом Агафангелом», записанном в 1926 г. священником Николаем Пискановским, который был тогда послан к Ярославскому митрополиту православными епископами Украины с целью убедить его не претендовать на церковную власть. В этом «Интервью» от лица митрополита Агафангела говорится: «Я с ним (Тучковым. — *свящ. А. М.*) говорил откровенно прямо. Он между прочим сказал мне, что в первый раз встречает епископа, который говорит прямо. Другие хитрят, уклоняются и не хотят говорить. А я ведь самый лояльнейший по отношению к власти. При обсуждении послания первым вопросом было восстановление Патриаршего Синода 1917–18 гг. “Это для меня новое, — говорит Т[учков]. — Этого никто не предлагал”». Тучков (если в «Интервью» точно воспроизведены его слова) по своему обыкновению лукавил: незадолго до того Патриарший Синод, правда, не совсем образца 1917 г. предлагал митрополит Сергей, и митрополит Петр, как выше было показано, поддерживал это предложение. Вопрос о Синоде, можно сказать, висел в воздухе. «Я, — говорилось далее в «Интервью» от имени митрополита Агафангела, — указал прежний состав Синода и назвал первым митр[ополита] Арсения». Его же, можно заметить, месяцем–двумя ранее предлагали включить в Синод митрополиты Петр и Сергей. «“Приемлемо”, — сказал Т[учков]. Второго — м[итрополита] Михаила». Против Экзарха Украины митрополиты Петр и Сергей тоже ничего иметь не могли. Первый указал его в декабре 1925 г. одним из кандидатов в свои заместители, второй затем вошел с ним в союз в борьбе с

григорианскими раскольниками. До своего экзаршества (то есть до 1921 г.) тогда еще архиепископ Михаил (Ермаков) был членом Синода при Патриархе Тихоне⁴⁹. Его включение в новый Синод было бы вполне естественным, и власть, как казалось, не возражала против его кандидатуры. «“И это можно”, — ответил Т[учков]. Третьего — м[итрополита] Сергия. “Согласен”, — был ответ Т[учкова]. Остальные члены Синода: Антоний Храповицкий, Евлогий и другие эмигрировали за границу, но мы с ними считаться не будем. Есть еще кандидаты — м[итрополит] Кирилл. Т[учков] на это пожал плечами и не ответил ничего. Константин Могилевский, но он в расколе ВВЦС. Больше кадровых нет, и остальной состав добавим из округов, которые были распределены в 1917 г. по 10–17 епарх[ий] согласно положению Собора 1917 г. Правда, у меня еще списков нет, и я не знаю теперь новых епископов. <...> После этого будет собран Собор»⁵⁰.

Видно, что два проекта Патриаршего Синода — предложенный митрополитом Агафангелом (с включением в него митрополита Сергия) и предложенный митрополитом Сергием (с включением в него митрополита Агафангела) — в принципе не так уж сильно расходились друг с другом, особенно если учесть, что и тот, и другой, исключали участие в нем представителей ВВЦС. Оставался вопрос, кому быть председателем в этом Синоде, но и он не был неразрешимым, тем более что митрополит Сергей тогда был готов рассматривать разные варианты, да и заключенный митрополит Петр за предложенное ему Заместителем номинальное председательство в Синоде едва ли стал бы держаться. И уж тем более никто не мог выступать против последующего Собора Патриаршей Церкви, который, в меру возможного, уврачевал бы все церковные нестроения, и для подготовки которого, собственно, Синод и был нужен. Но Тучков не для того выезжал из Москвы в Пермь, чтобы в итоге на свет появился состоящий из авторитетных иерархов и приемлемый для всех (за вычетом разве что григориан) Патриарший Синод, который бы довел вскорости Церковь до чаемого ею Собора. Надо было найти противоречие между митрополитами Сергием и Агафангелом и затем на этом противоречии всячески играть, так, чтобы превратить их несогласие друг с другом в церковный раскол. Таким противоречием стал (на непродолжительное время) вопрос не о Синоде, а о самом местоблюстителе и отношении к личности митрополита Петра.

Итогом пермских переговоров стало послание митрополита Агафангела о принятии им на себя Управления Церковью. Тема восстановления Синода образца 1917 г. и предстоящего Собора отошла в Пермском послании на второй план. Главным в нем было заявление митрополита Агафангела о своем вступлении в исполнение обязанностей Местоблюстителя Патриаршего Престола. Согласно «Интервью», митрополит Агафангел говорил приезжавшему к нему украинскому священнику: «Я написал в послании, что вступаю в должность с согласия м[итрополита] С[ергия] и м[итрополита] П[етра], но Т[учков] вычеркнул»⁵¹.

⁴⁹ См.: Письмо Н. В. Нумерова митрополиту Антонию (Храповицкому) от 01(14) сентября 1921 года. С. 871, 874.

⁵⁰ «Интервью с митрополитом Агафангелом» / Публ. П. В. Каплина // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2005. Вып. 1. С. 106.

⁵¹ Там же. С. 114.

Согласие трех высших иерархов Русской Церкви было именно тем, чего никак не желал Тучков. В итоге его стараниями митрополит Агафангел своим посланием объявлял себя Местоблюстителем явочным порядком, без всякого согласования с наличными носителями высшей церковной власти. История дальнейшей полемики митрополитов Сергия и Агафангела описана уже неоднократно⁵².

Известно, что в кульминационный момент своего противостояния Ярославскому митрополиту, 1 июня 1926 г., Заместитель обратился в НКВД с ходатайством зарегистрировать его в качестве временно исправляющего должность Местоблюстителя Патриаршего Престола и канцелярию Московской Патриархии. Про Синод в своем ходатайстве митрополит Сергей не писал, но просил разрешения «впредь до Поместного Собора и до организации коллективного при Патриархе Управления <...> для обсуждения возникающих церковно-канонических вопросов время от времени собирать небольшие собрания архиереев (от 5 до 15 человек) в Москве и других городах, преимущественно там, где возникает вопрос»⁵³. Из слов «коллективного *при Патриархе* Управления» можно заключить, что при себе Заместитель Местоблюстителя тогда коллективное управление (Синод) учреждать не собирался. Есть все основания считать, что появления подобранного, а не соборно избранного Синода не желало тогда и большинство православного епископата, голос которого в тот момент и выражал митрополит Сергей. Его согласие с епископами и обеспечило тогда ему победу в споре с митрополитом Агафангелом, который заявил в июне 1926 г. об отказе от своих прав на местоблюстительство. В то же время власть не видела для себя резона регистрировать Московскую Патриархию, не подчинив ее своему контролю, в том числе и при помощи Синода из угодных ей лиц.

Ходатайство митрополита Сергия от 1 июня успехом не увенчалось, но точка в деле поставлена не была. Начались новые переговоры Заместителя с ОГПУ об условиях легализации, которые продолжались до конца осени 1926 г. и были близки к благополучному (для ОГПУ) завершению, но помешала несанкционированная властью активность ряда православных епископов. «Митрополит Сергей... — говорилось об этом в лубянской «Обзоре политического состояния СССР» за ноябрь 1926 г., — склонен был принять меры к легализации управляемой им церкви на условиях, приемлемых для советского правительства. Однако под давлением наиболее активных черносотенных церковников он вынужден действовать в направлении избрания патриархом бывшего Казанского митрополита Кирилла, находящегося сейчас в ссылке»⁵⁴. Итогом неудачной попытки проведения тайных выборов Патриарха стал арест в декабре 1926 г. митрополитов Сергия, Кирилла и целого ряда других иерархов. Новым временным Заместителем Местоблюстителя стал викарий Ярославской епархии архиепископ Угличский Серафим (Самойлович). Началась новая серия переговоров о легали-

⁵² Подробно см.: Мазырин А., диак. Митрополит Ярославский Агафангел и спор о местоблюстительстве в 1926 году // Вестник ПСТГУ. II : История. История Русской Православной Церкви. 2005. Вып. 1. С. 62–104.

⁵³ Акты... С. 471.

⁵⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину... Т. 4. Ч. 2. С. 829.

зации: с митрополитом Кириллом (в тюрьме), с митрополитом Агафангелом, с архиепископом Серафимом.

В марте 1927 г. Угличский архиепископ был вызван в Москву к Тучкову. Речь шла об организации Совета епископов или Синода. Архиепископ Серафим ответил отказом на предложение начальника 6-го отделения и едва не отправился за это в Соловецкий лагерь. Подробности этих переговоров были описаны по горячим следам самим архиепископом в письме от 7 марта 1927 г. одному архимандриту, вероятнее всего, преподобномученику Неофиту (Осипову) «Я давно прозревал, — писал архиепископ Серафим, — что Совет епископов это гибель для Церкви и моя гибель. Я поставил точку. — Когда я дойду до точки, тогда уже никакие адские силы не могут поколебать меня. <...> Разговоров больших не было. Я сказал, что без совещания старейших иерархов не может быть авторитетным и наш Синод.

[Тучков]: “Кого Вы называете старейшими иерархами?”

[Архиепископ Серафим:] “Всех местоблюстителей, всех заместителей — итого 9, а именно: м[итрополита] Арсения, Никандра и др.”»

Если суммировать завещательные распоряжения Патриарха Тихона и митрополитов Петра и Иосифа (митрополит Сергей завещания в 1926 г. не составлял), то «все местоблюстители» и «все заместители» — это митрополиты Кирилл, Агафангел, Петр, Арсений, Сергей, Михаил, Иосиф, архиепископы Корнилий (Соболев), Фаддей (Успенский) и сам Серафим, итого — десять, причем без митрополита Никандра. На свободе из них находился, не считая Угличского архиепископа, только митрополит Агафангел. Неудивительно, что предложение сформировать такой состав Синода Тучкову, мягко говоря, не понравилось. «Что было! — описывал его реакцию архимандриту Неофиту архиепископ Серафим. — Это был выстрел из большой пушки.

[Тучков:] “Как смотрит м[итрополит] А[гафангел]?”

[Архиепископ Серафим:] “Он такого же мнения”.

И еще пуще и больше»⁵⁵.

Много лет спустя памятный разговор Тучкова с архиепископом Серафимом описал его келейник М. Н. Ярославский. Из его описания следует, что Тучков не только выслушивал предложения архиепископа о составе Синода, но и выдвигал собственные: «Владыка мне говорил, что ему, как главе Церкви, власти тогда предложили Синод... И указали кого — членами Синода. Он не согласился... И сразу получил три года соловецких лагерей... <...> Но когда они это ему предлагали, владыка Серафим выдвинул своих всех членов... Я знаю, что он называл митрополита Кирилла... “Так он же, — говорят, — сидит”. “Так он же у вас сидит, освободите его...”»⁵⁶ В основном письмо самого архиепископа Серафима архимандриту Неофиту подтверждает воспоминания келейника. «[Тучков:] “Ив[ан] Васил[ьевич], (вероятнее всего, то был И. В. Полянский — второе лицо

⁵⁵ Архиепископ Серафим (Самойлович) и Е. А. Тучков: подробности взаимоотношений / Публ. П. В. Каплина // Вестник ПСТГУ. II : История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 3 (20). С. 130.

⁵⁶ Воспоминания М. Н. Ярославского (в записи священника Михаила Ардова) // Надежда: Душеполезное чтение. Вып. 18. Базель; М., 1994. С. 167.

в 6-м отделении и будущий преемник Тучкова. — *свящ. А. М.*) — обращается к чиновнику, — знаете ли, что нам предлагает арх[иепископ] Серафим? Собрать черную сотню. Это открытая к[онтр]рев[олюция]. Нет, нужно, видно, послать его в Соловки. А сейчас приготовьте бумагу в прием арестованных»⁵⁷.

Однако арестовывать архиепископа Серафима в тот момент власти было политически невыгодно (из пропагандистских соображений). Но и оставлять его во главе церковного управления ОГПУ тоже не могло. Начальник 6-го отделения нашел временный выход. Согласно письму архиепископа Серафима архимандриту Неофиту, финал переговоров был таким: «[Тучков] “Ну, мы не злопамятны — мы освобождаем Вас и даем местожительство в Угличе, можете служить где угодно, но управлять — ни-ни. Ни назначать, ни перемещать, ни увольнять, ни награждать. <...> А быть может, Вы еще увидите с м[итрополитом] А[гафангелом] и передумаете, и надумаете открыть совет. А пока, — до свидания. Мы купим Вам билет, проводим до вокзала, а там — уезжайте в Углич и сидите спокойно»⁵⁸. Из того контекста, в котором в описании беседы упоминается митрополит Агафангел, можно заключить, что Тучков, начиная переговоры с архиепископом Серафимом, был совсем не против его включения в проектируемый Совет-Синод. Ярославский святитель, однако, как видно, проявил солидарность со своим викарием, временно управлявшим Церковью, и из-за этого «доверие» ОГПУ утратил. Когда Синод, в конце концов, появился, митрополита Агафангела в его состав не включили. Произошло это довольно скоро. Как вспоминал келейник архиепископа Серафима: «А вскоре был освобожден митрополит Сергей... И им был создан Синод из всех тех членов, которых власти предлагали владыке Серафиму...»⁵⁹

Временный Патриарший Священный Синод при митрополите Сергии был учрежден 18 мая 1927 г. Справкой из НКВД от 20 мая 1927 г. Заместителю было сообщено: «Заявление и. д. “Местоблюстителя Московского Патриаршего Престола”, митрополита Нижегородского Сергия, гр. Страгородского и список образовавшегося при нем Временного, так называемого “Патриаршего Священного Синода” в составе: митрополита Новгородского Арсения Стадницкого, митрополита Тверского Серафима Александрова, архиепископа Вологодского Сильвестра Братановского, архиепископа Хутынского Алексия Симанского, архиепископа Костромского Севастиана Вести, архиепископа Звенигородского Филиппа Гумилевского и епископа Сумского Константина Дьякова в административном отделе ЦАУ НКВД получены и приняты к сведению. Препятствий к деятельности органа, впредь до утверждения его, не встречается»⁶⁰. Эта справка была весьма похожа на ту, что в январе 1926 г. получили основатели ВВЦС (в той было сказано, что «к открытию деятельности Временного Совета, впредь до утверждения такового, со стороны НКВД препятствий не встречается»⁶¹). Она

⁵⁷ Архиепископ Серафим (Самойлович) и Е. А. Тучков... С. 131.

⁵⁸ Там же. С. 131–132.

⁵⁹ Воспоминания М. Н. Ярославского... С. 167.

⁶⁰ Акты... С. 498.

⁶¹ *Григорий (Яцковский), архиеп.* Документы, относящиеся к образованию Высшего Временного Церковного Совета в Москве. С. 9.

не означала еще регистрации Синода и его полноценной легализации, а лишь давала разрешение фактически приступить к работе (под контролем ОГПУ, естественно). К этому можно добавить, что митрополит Арсений вошел в состав Синода только на бумаге. Доверием власти он не пользовался и в Москву допущен не был, оставаясь в ссылке в Средней Азии.

Таким образом, продлившийся более двух лет «межсинодский» период закончился. ОГПУ получило то, что ему в тот момент было нужно. Вопрос, получила ли в лице Временного Синода Церковь то, что нужно было ей, требует отдельного рассмотрения.

Ключевые слова: высшее церковное управление, Патриарший Синод, легализация, митрополит Петр (Полянский), митрополит Сергей (Страгородский).

THE ISSUE OF THE PATRIARCH'S SYNOD FOR THE INTER-SYNODIC PERIOD (1925–1927)

PRIEST ALEXANDER MAZYRIN

The author examines the attempts to establish Provisional Patriarch's Synod in the Russian Orthodox Church from the spring of the 1925-th to the spring of the 1927-th. The article demonstrates true purposes and methods of Soviet government concerning this matter. The author investigates the positions of hierarchs discussing the question of the Synod. He proves their striving for defending the interests of the Church in persecuting environment and, simultaneously, their willingness to seek forms of the acceptable compromise with atheistic power.

Keywords: the Senior Church Administration, the Patriarch's Synod, legalization, metropolitan Peter (Poljansky), metropolitan Sergey (Stragorodsky).